Андрей ДМИТРИЕВ

КОВЧЕГ ГОНЧАРОВОЙ

1

Литература не любит счастливых семей. И уж если берется за семейную историю — то чаще всего для того, чтобы явить миру универсальную модель его катастрофы.

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» — с первой же строки «Анны Карениной» Лев Толстой дает понять, почему он взялся за роман о семейном несчастье двух семей: Облонских и Карениных. Категорическое *похожи* подразумевает *скучны* — это, если говорить о живой жизни, пожалуй, и неправда. Другое дело — литература, у которой свои законы, и ничего скучнее благополучного однообразия сюжетов, благостной бесконфликтности, радостной жизни как таковой придумать нельзя. Попытка Толстого, убежденного поборника семейных ценностей, сочинить историю о *семейном счастье* была провалена. Его роман, так и названный «Семейное счастье», удачей точно не назовешь — мало кто вспомнит о нем сейчас, кроме специалистов по истории литературы, да и те вспоминают нечасто. Может показаться удивительным, но в финале «Анны Карениной» Левин, *alter ego* автора и единственный счастливый семьянин в романе, осознав свое счастье, с огромным трудом обретенное, — до того напуган и растерян, до такой степени не верит в совместимость семейного счастья с жизнью, что всерьез подумывает о самоубийстве.

История гибели одного семейства — подзаголовком «Будденброков» предупреждает читателя Томас Манн…

«Сага о Форсайтах» Голсуорси — могучая метафора вселенской катастрофы, художественный приговор Викторианской эпохе, которую и по сей день многими принято считать золотым веком Британской империи…

Если же в семье все по видимости благостно и гладко — литература непременно поселит скелет в семейном шкафу или нашлет на семейный очаг разрушительную бурю извне…

Все же нет-нет, но и заявит о себе литература, для которой в истории счастливой семьи нет ничего однообразно-скучного и где семейное счастье — универсальная модель спасения мира. Прежде всего, это в немалой своей части

литература о детях, где жизнь семьи показана их глазами. Потому что глазами детей весь мир вокруг, со всеми его страхами, опасностями и даже горестями, — это, как правило, счастье. И в этом смысле я готов поставить рядом «Детство» Толстого, мучительные, но удивительно жизнелюбивые истории Диккенса, в которых дети, пусть и не все, обретают счастье прежде всего в семье, «Чук и Гек» Гайдара и, скажем, «Денискины рассказы» Драгунского. (Конечно, есть и страшные, безнадежные истории о детях, которым нет места и спасения в этом мире, а значит, и миру нет спасения, но они — предмет иного разговора. Скажем, о том, как гуманнейший Чехов сочинил адовы «Устрицы», а Достоевский — «Мальчика у Христа на елке».) «Взрослой» прозы, во взрослом ракурсе которой была бы явлена заведомо счастливая семья, в литературе немного. Один из редких примеров этой прозы — рассказы и повести Марианны Гончаровой. И они — точно не скучны.

2

Увлекательность и, соответственно, популярность прозы Гончаровой принято объяснять тем, что ее проза насыщена юмором. И это справедливо: юмора у Гончаровой не отнять…. И все же... Вымышленные смешные миры несравненных мастеров юмора художественно восхитительны и убедительны… Но в этих смешных мирах тебе вряд ли захочется жить доподлинно. То есть невозможно мечтательно вообразить себя доподлинно живущим среди персонажей Гоголя, Чехова, Достоевского и Зощенко, Бабеля и авторов «Двенадцати стульев». Одно дело смеяться над героями «Мертвых душ», совсем другое — вообразить себя играющим с ними изо дня в день в вист. Одно дело нравоучительно хохотать над унтером Пришибеевым или Человеком в футляре, совсем другое — представить себе воочию, что тебе приходится с ними здороваться каждый день при встрече и каждый день выслушивать их нравоучения. Одно дело смеяться над манерами трамвайных хамов из рассказов Зощенко, совсем другое — хотя бы мысленно оказаться в тех трамваях. Читать «Одесские рассказы» Бабеля очень весело, но не хотел бы я жить на одной улице с Беней Криком и его очаровательной сестрой. Одно дело — вышучивать Безенчука с его выставочными гробами, отца Федора с его дохлыми кроликами и Кису Воробьянинова в нарукавниках сотрудника загса — совсем другое дело хотя бы во сне навеки поселиться

в уездном городе Н. и натянуть на себя по локоть эти сатиновые нарукавники…

Ты читаешь и перечитываешь лучшие из смешных страниц, созданных человечеством, для того чтобы разделить с авторами художественное удовольствие, чтобы, конечно же, посмеяться, — но и для того, чтобы определиться со своим собственным миром, принять себя таким, каков ты есть. Даже если твой мир полон горести, глупости, страхов и неудач, даже если ты, по чувству своему, состоишь из многих несовершенств — это все же твой мир, а не подсудный твоему смеху, страшноватый мир героев «Ревизора». Автор «Ревизора» приглашает тебя вместе с ним посмеяться над повседневной жизнью его героев — и ты принимаешь приглашение.

Нет, ты не равен Гоголю, когда смеешься, перечитывая «Ревизора». Но ты и не его герой. Ты смеешься над его героями *вместе* с Гоголем, по его, повторяю, *приглашению*. И благодаря Гоголю — его юмору! — хотя б на миг становишься бесстрашнее перед лицом своего подлинного мира. Думаю, ни один из читателей или зрителей «Ревизора» не принял, не принимает и никогда не примет на свой счет финальную реплику Городничего: «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь». Не примет и будет прав: не над собой.

Никому из читателей, как я догадываюсь, и в голову бы не пришло вживую постучаться в дверь кого-нибудь из самых смешных героев Гоголя, Чехова или Зощенко, чтобы разделить с ними их повседневную жизнь.

…В дом, который с юмором, но накрепко и надежно построила Гончарова в своей прозе, читатель захочет постучаться.

3

Смешная, счастливая семья в этом доме, во всех подробностях своей жизни — притягательна, к ней влечет, к ее кругу *тянешься*, как к спасательному кругу… Я здесь не вхожу в подлинные обстоятельства жизни Гончаровой. Я отдаю себе отчет, что за каждым ее персонажем стоит реальный человек, но степень вымысла высока, ситуации и повороты сюжетов фантастичны, едва ли не сказочны, и мы уверенно можем говорить о мире прозы Гончаровой как о сугубо художественном мире… И в этом мире, в этом вымышленном, хотя и узнаваемом городе, который сам — семья, все *тянутся* друг к другу: русские и цыгане, украинцы и евреи, румыны и австрийцы, кошки и попугаи, взрослые

и дети, звери и птицы, вещи и книги, воспоминания и надежды на будущее. В этом обширном семейном мире никто не смотрит друг на друга снизу вверх или, наоборот, свысока; всеобщее тяготение в нем — это тяготение равных, тяготение живых к живому, а не слабых к сильному. Возможно, напряжение этого семейного *тяготения* всех ко всем и ко всему — и есть главный мотив прозы Гончаровой. Он завораживает, наряду с ее юмором и сюжетами… Вот попугай Терентий: он *тянется* к колокольчику, потому что влюблен в него буквально, тянется к теплому картофельному пюре, в котором любит купаться, тянется к гостю семьи и будущему члену семьи по имени Дзундза, с которым ест наперегонки это самое пюре, в котором уже искупался, из одной тарелки — и Дзундза тянется к попугаю, не брезгуя пюре… («Не покидай меня, Дзундза!») Это взаимное тяготение нельзя разрушить, людей нельзя разделить, даже разъединив их жестокой политической границей по Пруту: люди найдут способ услышать друг друга и через реку («Янкель, инклоц ин барабан»).

Юмор, с которым рассказана жизнь этой разнообразной, *многосемейной*, но очень сплоченной *семьи*, понуждает не к смеху, но к удивлению и доброй зависти.

4

Из вышесказанного может показаться, что речь идет о прозе умилительно-сентиментальной, но это не так. То приглушенный, то отчетливо слышный мотив опасности звучит в ней непрерывно. Потому что никуда не делось все зло окружающего мира. Никуда не делись и не денутся силы, способные на годы разделить людей по Пруту и по иным, бесчисленным, не только лишь географическим границам. И никто не отменил смерть.

То, что в прозе Гончаровой делает человека сильным, веселым и бесстрашным, а именно доверчивое тяготение к другим — обрекает его и на крайнюю уязвимость. Подросток Лиза Бернадская борется с опаснейшей угрозой, перемогая ее благодаря всем, к кому тянется — а тянется она ко всему живому: к взрослым и детям, к зверям и книгам, и все живое тянется к ней, даря ей силы и надежду. Но стоит Лизе со своей открытой, а значит, беззащитной душой потянуться к иному миру, устроенному совсем иначе, чем привычный, счастливый, семейственный мир — ее настигает

самое тяжелое испытание… («Тупо в синем и в кедах. Дневник Лизы Бернадской».)

5

Мир Гончаровой — это ковчег, вход на борт которого никому не заказан; ковчег, способный с весельем и отвагой преодолеть любые темные воды, лишь бы обитатели ковчега не уронили за борт свою спасительную веру в закон всеобщего тяготения.

Ноябрь 2018 г.

Тупо в синем и в кедах

ДНЕВНИК ЛИЗЫ БЕРНАДСКОЙ

повесть

В этом году ко мне не пришел Дед Мороз.

И не потому, что я не верю в чудеса. Как раз наоборот — чудеса я встречаю с восторгом и благодарностью. Потому что без присутствия чуда в этой человеческой каше-малаше, в этих странных отношениях друг к другу, к детям, к природе, к планете, к жизни никак не складывается ничего. Непременно должно быть что-то, когда вдруг глупость и безалаберщина уступают место пониманию и быстрой человеческой реакции… Ну то есть по-настоящему человеческое — это когда включается не обычная обезьяна, а божественное. То самое, для чего мы, человеки, были придуманы… Ой, что-то я устала и запуталась сама. Ну вот, например, кто-то по внутреннему зову вдруг просыпается, вскакивает ночью, бежит куда-то, чтобы нажать на кнопку возврата и спасти планету от гибели, я знаю, я читала про дяденьку, который вернул на место уже запущенную боевую ракету. Или даже ракеты. А вот еще. Одна девушка в городе Каменец-Подольском стояла на перилах моста, уже собиралась сигануть вниз, чтобы покончить с этим всем обрыдлым, ужасным, отвратительным и постылым. А тут вдруг старенькая машинка: трюх-трюх-трюх — и заглохла. Оттуда дедушка вываливается. Говорит, девушка, а девушка, а ну слезайте! Вы же упасть можете, прямо в реку! Девушка, а девушка! (Вчера только смотрели с братом: «Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная? — Тепло, батюшка, тепло!» — Фильм «Морозко».) Я когда еще в клинике лежала, читала что-то по литературоведению, там это называется «медитативные повторы». Они, мол, как-то действуют на подсознание. Вроде как заговоры колдовские, вот это вот «девушка, а девушка…»

Кароч, спрашивает он эту девушку, которая уже крылышки сложила и хочет кинуться в речку Смотрич от несчастной любви, дура такая:

— Девушка, а девушка…

А девушка ему раздраженно:

— Ну чо, дед, ну чо те надо?! — Она ведь уже все, решение приняла, вот-вот…

— Иди, — говорит дедушка, — сюда, помоги старику.

Девушка добрая, почему не помочь, хоть и раздражает дед скрипучим своим «девушка, а девушка». И она слезает с перил. Осторожненько так. Чтобы *не упасть*.

А дедушка ей — оп! — конфетку на палочке цветную, круглую, огромную, как блин, — и говорит:

— На! С наступающим Новым годом, детка!

Ну, потом уже настроения у нее лезть на перила, конечно, нет. Дедушка еще этот какой-то подозрительный. Подтолкнула с ним его «копейку», села к нему, на заднее сиденье, а сама *боится*. И думает, бли-и-ин, я ж только что хотела с моста кинуться, чего это я сейчас боюсь, какая разница, как сдохнуть от несчастной любви. А дедушка на своей трюхалке подвез ее в центр города по дороге. Она попрощалась нормально, спасибо сказала, с наступающим Новым годом тоже сказала, пересела в такси, а у таксиста оказались синие глаза и он тоже ее — с наступающим, и веселые истории рассказывает… Пригласил в кофейню поболтать, выпить кофе-чаю или чего… Домой отвез, телефон попросил. Ну не чудо?! Да, простенькое. Даже банальное. Но ведь чудо!..

Ну и потом — главное чудо произошло со мной, с нами, с нашей семьей. Поэтому в чудеса я верю, а в Деда Мороза уже нет. Ну какой Дед Мороз придет ко взрослым, повидавшим всякое в своей жизни людям семнадцати лет?!

(Оп! Три часа дня. Сейчас-сейчас, мне надо срочно принять таблетку и витамин, я вернусь.)

Ну вот. В этом году ко мне не пришел Дед Мороз. Зато к Мистеру Гослину, моему брату, пришли и Дед Мороз, и Санта, и всякие Снегурочки в коронах, шапочках, с косичками и в белых валеночках. Прилетели тихие эльфы с прозрачными крылышками, в розовых штанишках и крохотных сверкающих туфельках. Пришли вздорные, но добрые в душе гномы, нанесли грязи в прихожую, натоптали. Прискакали из страны оленьей легконогие олени, веселые, трусливые, глупенькие, с барабанами зайцы и другие сказочные лица и морды. Надарили всего разного, о-го-го! Мистер Гослин же у нас парень не промах. И хотя он только-только выучил буквы, но уже сумел сложить из них вежливые и скромные пожелания и просьбы, через слово вставляя «пажайлыйсто». Санте он отправил письмо через морозильную камеру старого холодильника. Ночью мы послание выкрали и прочли, давясь от смеха и умиляясь деликатности нашего мальчика. Пажайлыйсто. Он писал это письмо целый вечер, высунув язык, весь извозюкался фломастерами, пыхтел, замучился рисовать буквы и слово «пажайлыйсто», потеть от усердия, шевелить губами, словом, подустал с этим всем. Ну и письмо Деду Морозу уже потом не написал, а нарисовал, наслюнявил уголки и наивно приклеил на окно, типа, Дедушка будет мимо проезжать,

увидит, заинтересуется, а ну-ка, что это тут? А там были просто нарисованы герои сказки «Волшебник страны Оз», все абсолютно похожие на черепах-ниндзя.

Ну мы уж постарались. Во всех мыслимых и немыслимых местах дома таились коробки с подарками для Мистера Гослина. И мы только переглядывались и сияли, когда он вдруг находил их, радостно взвизгивал на весь дом, разворачивал пакеты, удивлялся и хохотал своим многоцветным неподражаемым смехом. Прокололись мы только с черепахами. Абсолютно случайно мы узнали, что хотел-то он лего с персонажами страны Оз. Но ничего, армия скупленных в магазине воинственных суперчерепах тоже прокатила.

***

Полина Игоревна, подруга моей бабки Агнии (все зовут ее Агнешка), проводит со мной пси-хо-те-ра-пев-ти-чес-ки-е-е-е… е-е-е! Бесит! Меня сейчас очень многое бесит. Такая я есть сегодня. Такой период в жизни. Бесит. И ненавижу. Много лишнего обнаруживается в этой жизни. Много лишней суеты, лишней еды, лишней одежды, лишних усилий, лишних событий. В том числе — лишние ненужные слова. Длинные такие, что, пока выслушаешь до конца, взмокнешь.

Ненавижу *длинные слова*, ненавижу! И еще. Вот тут лучше сразу сказать, почему я в этом те-ра-пев-ти-чес-ком дневнике не выставляю даты. Потому что я ненавижу точное время. Точное время и длинные слова. Но особенно длинные слова. И многословных речистых взрослых людей. Со значительными тяжелыми лицами. Зачем, господа присяжные… завсегдатаи… завсегдатели… заставлятели… Зачем?! Чтобы потянуть время, которое на самом деле совсем не тянется, а без-воз-врат-но уходит навсегда? Чтобы отбирать у меня минуты, часы, дни, долго ворочая языком, демонстрируя, какой ты взрослый, умный и крутой, а на самом деле успеть что-то задумать, наврать, обхитрить? Чтобы все стояли и ждали, когда ты такой весь из себя надутый как голубь, это слово выдавишь, выговоришь, молвишь, изречешь? Это я в ворде синонимы подсмотрела. ~~Нефиг~~ Нечего мне делать, придумывать слова про отморозков всяких велеречивых. (Это из Агнешкиной книги слово — «велеречивый», про чувака, который трепался почем зря.) Ну скажешь ты, такой весь из себя, длинное, непонятное обычному человеку слово. И чо? Произведешь впечатление,

няшный такой перец? И убьешь, сволочь такая, мое личное время, умник!

Или вот еще про время. На пакете с тем, ну с таким, черт, не помню, а — пудинг! На пакете с вязким серым содержимым написано: варить двадцать минут. По-ме-ши-ва-я. Бли-и-ин! Двадцать минут на ~~офигительный обалденный~~ изумительный диетический пудинг! Который никто жрать не захочет, и он зацветет буйным зеленым цветом в холодильнике и развоняется вовсю. Тогда лучше напишите — отдай мне, девочка, двадцать минут твоей жизни на эту хрень, и обратно я тебе их, эти двадцать минут, не верну. Вари давай серый пудинг, иди верной дорогой к финалу. По-ме-ши-ва-я.

Времени у человека вообще мало. Вот, например, жизнь — это песочные часы. У меня есть такие, в пластиковой фиолетовой рамке. Доктор Натан подарил. Принес однажды. Так странно было. Ну, потом напишу. Он сказал, вот тебе, Бернадская Лизочка, часы. Я спросила, а зачем? Натан ответил, чтобы я смотрела, как бежит песок, и так легче ждать, когда закончится капельница или процедура. Песок в этих часах темный, густой, мерцающий. Просачивается, как черная кошка в темную комнату, кошка с атласной спиной — сквозь стеклянное тонкое горлышко. A cat on a hot tin roof… A black cat in a sandglass. (На полях: Кошка на раскаленной крыше… Кошка в песочных часах…) Стекает горкой вниз. Лапы, голова, живот, задние лапы, хвост. Переворачивать часы во время процедуры надо четыре раза. Я очень полюбила доктора Натана, я его заобожала даже. Он очень прикольный. Но. Я совсем не полюбила его подарок. Гонять эту кошку туда-сюда, туда-сюда. И когда переворачиваешь четвертый раз, кошка замирает внизу, сворачивается клубком, и сначала еще видно уши, круглый затылок, гладкую спину, а потом вся кошка рассыпается в горстку песка. Блин, ну зачем тогда жить, если заканчивается все кучкой пепла, верней, песка?! Рано или поздно эти часы остановятся: их однажды просто никто не перевернет и не разбудит кошку. Песок окаменеет, кристаллы слипнутся, как песчаная роза из пустыни Сахара. Агния хранит такую на белой пуховке в старинной фарфоровой пудренице. Такая красота. А всего-то — песок, ветер, верблюжья моча и время. Так и будут стоять они, песочные часы, нарядно-фиолетовые, и песчаная роза, на которую пописал неизвестный верблюд из восемнадцатого века. Кстати… Моя miss Pauline, Полина Игоревна, — ханжа, она не разрешает говорить: «А можно выйти в туалет?» Она учит

спрашивать в при-лич-ном тоне: «А можно помыть руки?» И если в при-лич-ном тоне рассказывать про песчаную розу, то необходимо сказать так, что сотни лет в пустыне Сахара дул ветер, складывал песчинку за песчинкой в причудливый узор, потом откуда-то издалека притащился неизвестный истории верблюд и несколько раз «помыл руки». И получилось искусство природы. Вот такие они, песочные часы и песчаная роза — памятники прошедшему времени.

Полина Игоревна смешная. Слышала бы она, что у нас в больнице одна санитарка в таких случаях говорила про «помыть руки». Какой она словарь адский выдавала. Мы ее звали Дарт Вейдер. Она с шести утра громыхала ведрами, орала на родителей больных детей и называла нас «задохлики». Это было ласковое слово. Врачи ничего не могли поделать, в санитарки добрые люди редко идут, они где-то в других местах тусуются. Я раньше значение таких слов, какие Дарт Вейдер говорила, не знала. А уж Полина, я думала… Хотя Агния возражает. Агния говорила, что Полина и не такое слышала. У Полины была очень трудная жизнь, но ее правильная речь — это личный протест. Это протест против ее прошлого времени (опять время!). Это было время, когда вокруг нее, такой тонкой и аристократичной, все матерились и орали, как санитарка Дарт Вейдер, и не стеснялись этого, а даже гордились. И Полина тоже научилась так говорить. Агния рассказывала, что в том мире, где Полина существовала почти пять лет, без *общего* языка было не выжить. Вообще, Агния говорит, что везде и всегда надо искать *общий* язык. И это не значит английский, украинский, испанский. Это значит совсем другое. Я понимаю, но не могу объяснить. Там, в том странном месте, у Полины Игоревны был такой *общий* язык с другими людьми, и она должна была на нем говорить. А у нас в семье должен быть другой общий язык, потому что у нас растет Мистер Гослин. Он должен слышать лучшие примеры языка. Вот именно поэтому — настаивают Полина Игоревна и Агния — я должна убрать из своей речи ругательские слова и учиться разговаривать, как Полина Игоревна. И это тоже будет протест — против вселенской грубости и обсценной лексики. Не знаю, правильно ли я написала. Новое выражение выучила — обсценная лексика. Это значит грязная, оскорбительная, корявая речь. (Даже с матами!)

Надо бы мне об этом подумать, об общем языке. Подумать, сформулировать и написать. Самой себе.

***

Почему я это все пишу. Не только потому, что это терапия. Во-первых, я живу сейчас в ограниченном пространстве. Мне еще нельзя выходить из дому, разве только на прогулку с кем-то из родителей два раза в день по полчаса. Поэтому у меня дефицит общения. И я общаюсь сама с собой и как будто со всем миром. Завести свой блог, конечно, можно. Но какое-то время мне вообще нельзя находиться слишком долго рядом с компьютером. И потом, если завести свой блог, то у тебя для этого должны быть реальные друзья. Чтобы они читали, чтобы они отвечали тебе, ~~лойсили, то есть ставили лайки~~. То есть вот люди, которые говорят с тобой *на одном языке*. Для которых ты пишешь. Полина Игоревна, да?

Если же у тебя нет друзей, в твой блог придут чужие, которые ни тебя не знают, ни ты их. Начнут писать ерунду, троллить, слать дебильные картинки, хуже того — оскорблять. То есть говорить с тобой на разных языках. Вроде как на одном, русском или украинском, но абсолютно на разных. Как если бы говорила наша Полина с санитаркой Дартом Вейдером. Там-та-та! Та-а-а… Да-дам! Та-а-а… Да-дам! Эх, жаль, музыку из «Звездных войн» нельзя передать словами. Когда они, такие бесчувственные убийцы, идут строем. Жесткач вообще! Как мы тащились от этого, обалдеть!

Ну дальше. Во-вторых.

А во-вторых, Полина подарила мне этот крутой блокнот и сказала, что мне обязательно нужно вести дневник. И не так важно, на каком языке, а важно быть честной с самой собой. Нет, нормально! Я буду честной с самой собой, буду секретничать, делиться мечтами и планами, а Полина будет мне тут чиркать карандашиком и подчеркивать слова «лойсить», «лайкать» и «тащиться». ~~Окей~~ (на полях: ОК), буду писать, потому что я очень хочу пойти в школу и социализироваться. ~~Блин~~, опять! Какое слово холодное, как стол в рентгенкабинете. На самом деле дневник надо вести, чтобы наладить отношения с самой собой (get on with), научиться жить среди людей, разобраться в окружающих и наладить (get on with) отношения с ними. Потому что, как выяснилось, после моего долгого отсутствия в обычном мире я — moody. (Какое толстое слово! Прикольно, да? Му-у-уди, жаль, Полина Игоревна запретила рисовать в дневнике смайлы.) Moody — это значит, что у меня резкие перепады настроения. (Но на самом деле я сейчас всегда в хорошем настроении, только этого не видно.)

А, да, Полина Игоревна посоветовала написать здесь, что она подтягивает меня по инглишу и я довольно успешно do my best. Усердно — это ее, Полинино слово — усердно занимаюсь. Смешное слово, но немного странное, «усердно». Какое-то оно… moody. Полинин инглиш очень беглый, утонченный, она говорит красиво и правильно, как Ее Величество Елизавета Вторая в оранжевом костюме, с сумочкой на локте и в эдакой элегантной невесомой шляпке на серебристой прическе. (На полях: Полина говорит, что так не пишут. А вот и пишут-пишут. Например, я так пишу.) А вот нормальные люди же так не разговаривают? «Не соблаговолите ли вы…» Не-а, не соблаговолю, Полина Игоревна! Нормальные люди спрашивают: Чай бушь? Или — хошь конфету? И пьют себе спокойно чай. И конфеты ~~жрут~~ едят. А мне нельзя. (Тут должен быть смайл с ручьями слез из обоих глаз: ы-ы-ы!)

Dear Полина Игоревна, язык меняется, упрощается. Это пишу я вам не от своего имени. Это говорил один классный пожилой хипстер в лекции TEDx. Он говорил, что язык есть часть культуры. Как музыка, например, кино или театр. Как мода на одежду и дизайн. Как отношения между людьми… И все это постоянно транс-фор-ми-ру-ет-ся. Ну, изменяется, в смысле, или что-то типа того. А вы, Полина Игоревна, не хотите меняться. Но Дима говорит, спасибо скажи. Полина — клад, сокровище. Спасибо, Полина Игоревна, наш клад и наше сокровище. Ну правда же, вы — сокровище. (На полях: Но раз я пишу себе, то почему я пишу вам, Полина Игоревна? А?)

Полина Игоревна сказала, что, если я не хочу писать даты, нужно ставить хештеги. Полина супер какая продвинутая. Теги — слово из социальных сетей. Окей, буду ставить теги.

#english_grammar_in_use
#английская_грамматика_на_практике

Полина Игоревна сказала, что не будет придираться. И чтобы я чувствовала себя свободной. Итак, Полина проводит со мной психо… ~~бли-и-ин, бесит! блин!~~ встречи. Нельзя называть их «сеансы». Она говорит, что «сеанс» — это отвратительное тюремное слово. И означает «восторг». Откуда она знает? Наверное, из ее «прошедшего времени», из Past Simple. Агнешка советует не спрашивать, потому что Полина обидится и не будет знать, как ответить. Что такое «больно», я понимаю, поэтому не спрашиваю. Но

догадываюсь. У Полины в доме есть много всяких знаков ее прошлого потерянного времени. Хорошо бы добавить во времена грамматики инглиша еще и Past Lost Tense. Есть ведь Прошедшее Неопределенное, Прошедшее Длительное, Предпрошедшее, то есть Прошедшее Совершенное, вот пусть будет и Прошедшее Потерянное. Английская грамматика какая-то мистическая, сказочная, согласитесь, П. И., а? У Полины огромная библиотека нездешних книг на английском, немецком, редкие альбомы и словари. Еще повсюду стоят удивительные вещицы, всякие фарфоровые маленькие, двухсантиметровые штучки, шкатулочки, рамочки, фигурки, вазочки, какое-то нереальное все, не для современной жизни, такого не купишь у нас даже сегодня. Полина говорит, почему она собирает такое маленькое: потому что такие штучки легко прятать или перевозить. Упаковал все в обувную коробку и повез. (На полях. Не собираю. Это мне дарили. П.) На донышках этих вот милых штучек везде написано «Royal Worcester» и год 1959 или 1960. Знаменитый фарфор, — объясняла Полина Игоревна, — его делают уже много веков в британском городе Вустер.

А главный знак Полининого потерянного прошедшего времени Past Lost Tense — черно-белые портреты красивого нездешнего мужчины в светлом легком пиджаке. Русые волосы, широкая улыбка. Такой, ну прямо ~~сеанс~~ восторг! Этот ~~чувак~~ мужчина везде — на стенах, на рояле, на книжных полках. Иногда один, иногда в группе каких-то официальных людей в костюмах и женщин в шляпах и перчатках, иногда с хрупкой красивой девушкой. Я понимаю, кто эта нарядная красавица в платье из какого-то дивного (на полях: красивое слово, как в сказке — дивный!) невесомого материала в мелкий цветочек или в полосатой смешной безрукавке ну вроде такой вязаной жилетки, что ли, или в спортивной майке, сидит и хохочет в байдарке. ~~Вообще аутфит у нее на всех фотках прикольный~~. На всех фотографиях у нее ~~супер прикиды~~ очень красивая одежда. И везде она рядом с тем самым ~~отпадным мужиком~~ красивым человеком, эта молодая Полина. На вопрос, кто этот парень, Полина ответила, что это Тони. Тони Матоски. А где он сейчас, — спросила я. Не знаю, — ответила Полина. И добавила: когда меня посадили (посадили!!!), его выдворили. (На полях: выдворить — expel. Слово острое, как скальпель, икспэл. Острое, холодное, кусачее. Expel.)

Больше Полина ничего не рассказывала. Такой сеанс… психотерапии. Я сейчас — moody, Полина Игоревна, и очень upset, pissed-off (в книге нашла, в книге!) и out of tune. Я не очень понимаю, что стоит за этими словами «когда меня посадили», нет, я понимаю, что арестовали (мою Полину?!), что судили (за что?!), что куда-то повезли, где-то закрыли рядом с людьми, у которых был другой *общий язык*. И почти пять лет… Боюсь поверить. ~~Эпичненько…~~ (На полях: Это я зачеркнула сама.) Трагично. Вот это слово я хотела написать.

#i'm_enough_of_speaking_about_the_same_thing
#мне_надоело_говорить_об_одном_и_том_же

Домашнее задание
Эссе «Новый год, который я запомню навсегда»

(На полях: Эссе — это небольшое сочинение свободной композиции. В эссе обычно много личного: отношение, мнение, размышления. В эссе позволительна разговорная интонация, которая свойственна тебе, Лиза. П. И.)

В этом году, как я уже писала, ко мне не пришел Дед Мороз. Он приходил ко мне в прошлом и позапрошлом, и позапозапрошлом году в клинику. Когда он пришел первый раз, я его вообще не видела. Как будто лежала ~~тина~~ под водой и оттуда, из-под воды, слышала глухие разные голоса. Голоса бесили и мешали всё и всех забывать. Узнавала я только Кузин голос. Она говорила: Лиза, Лизка, ты меня слышишь, это я, мама… Я ей отвечала: мама, слышу, не ори. Но потом Кузя сказала, что я не отвечала ничего. Только думала так, наверное. Под водой же нельзя говорить. Можно наглотаться тины, черной, вонючей, гнилой. Мне вообще тогда показалось, что я вся превратилась в очень холодную грязную неподвижную воду, и скоро меня будут переливать по частям в разные колбы, тазы и кружки, будут процеживать сквозь фильтры и делить на капли маленькими пипетками. Я не хотела, чтобы меня процеживали и делили на части по кувшинам и тазам. А потом каждую часть выливали бы в разные реки. Вода там замерзнет, лед заполнит русло и пойдет звонкими — крк! крк! — трещинами. Потом все вокруг растает, и я исчезну. Позже стало светлей. Я уже не чувствовала себя водой. Меня просто сильно мутило. Кузя говорит, что Дед Мороз заглядывал, но мы не встретились ни по-человечески, ни взглядами, никак.

Второй раз я уже нормально видела Деда Мороза, и он был в бороде из медицинских ватных шариков, в красном с белым

колпаке и в медицинской маске, с тонкой шейкой и растопыристыми ушами доктора Натана. Вот тогда он и подарил мне песочные часы. А третий раз я уже вышла к Деду Морозу в холл с другими детьми нашего отделения. В этот раз в маске уже была я. И Дед Мороз был не доктор Натан, а солидный, почти настоящий Дедушка из этих ребят-волонтеров, которые ходят к малышам читать книжки и показывать кукольные представления. И Дед Мороз застеснялся, потому что принес он мне ~~хрен~~ ~~черт знает что~~ (на полях: непонятно что) — раскраски детские и фломастеры. Ему самому было ужасно ~~в неудобняк~~ неудобно, стыдно — стоит перед ним шпала в пижаме, выше него ростом, лысая, в маске… И он вообще понять не может, ~~пацик~~ мальчик я или девочка. А я еще ~~такая~~ хрипло из-под маски: здра-асть. Стою в этих своих коротких портках, из штанин щиколотки сизые, такой ощипанный фламинго… Как будет фламинго по-английски, *flamingo?* А он мне, ~~такой тупой, шо ваще~~, сунул в руки раскраску про зайчиков и сказал стишок ~~дебильный~~ глупый, типа выздоравливай и учись хорошо.

Ну ничего. Я ее подарила, эту раскраску, Мистеру Гослину. Я уже писала, Мистер Гослин — это мой брат Миша. Писала или только думала? Он родился и спас мою жизнь. Я не хочу об этом писать, я никому об этом не хочу говорить. Я расскажу это только Мистеру Гослину через несколько лет, когда он дорастет до такого возраста, когда поймет*, что* он для меня сделал. И я тоже для него сделаю. Сделаю для него все.

#in_short #в_двух_словах

Полина Игоревна была moody и ручкой подчеркнула и зачеркнула слова про тупого Деда Мороза, слово «ваще» и другое. Много писала на полях. Ну я поняла, поняла, Полина Игоревна. И даже не расстроилась.

Домашнее задание.
Про Мистера Гослина.

I'm a big sister. I love my little brother so-o-o much! His name is Misha. But we call him mr. Goslin. Моего брата зовут Миша, но мы зовем его Мистер Гослин.

Когда меня отпустили домой, я по вечерам боялась уснуть. Ну, свои были причины. Боялась превратиться в воду, например, и наглотаться тины. Мне казалось, что я даже

чувствовала ее вкус, соленый вкус грязной тряпки. Или: а вдруг то, что я уже дома, — сон, а на самом деле я в больнице. И Дима, чтобы меня успокоить, чтобы я привыкала, читал мне книги перед сном. Читал-читал, я слушала и постепенно засыпала, и Дима засыпал в кресле. Однажды он читал мне Джерома: «Старый Гослин поднял голову, снял очки, протер их и опять надел на нос…» Миша рассмеялся во сне.

А, стоп, я забыла написать вот еще что — мы тогда снимали однокомнатную квартиру рядом с клиникой. Это был наш единственный дом, к которому я никак не могла привыкнуть, потому что сто лет провела в клинике и мечтала вернуться в нашу захламленную, уютную и теплую квартиру, в свою комнату с большим дартсом на стене и скрипучим полом. Но нашу квартиру…

Да пошли вы с вашим идиотским ~~долбаным~~ дневником!!! Ненавижу!!! Не буду рассказывать, ~~нафиг~~ зачем вообще все-все рассказывать. Чтобы что? Социализироваться, да, Полина Игоревна?! Зачем мне?! ~~Социлизоваться?~~ (На полях: Социализироваться.)

#mister_goslin

Тогда я уже почти уснула. Мишка тоже спал или не спал. Ну спал или типа того. Дима опять прочел: «Старый Гослин поднял голову…» — мелкий открыл глаза, сел и опять заржал… Дима отложил книгу и сказал: «Ста-а-арый Гослин…» — Мишка как покатится со смеху, повторяя «гослин, гослин». Вообще он круто смеется, по-настоящему, белые зубки сахарные, ротик как пещерка, а-а-а, он вообще прикольный у нас. Пещерка — это не обидно. Когда Кузя его кормит овощами, которые он не очень уважает, она всегда говорит: «Сим-Сим, откройся». Ну и вот. С того вечера мы стали звать его Гослин. «Старый Гослин», как у Джерома, Мишке не шло. Он же маленький. А Мистер Гослин — в самый раз. Потому что наш Мишка важный, серьезный человек, любит книги и немного пузатенький. Ну и, кроме того, он совершил то, чего никто не смог, — спас меня.

#in_a_huff #my_three_kings_and_mister_goslin
#в_отчаянии #мои_три_короля_и_мистер_гослин

Про квартиру. На самом деле мы не бездомные. Мы нормальная человеческая и дружная семья. Просто так

получилось. У нас произошел финансовый кризис. Из-за меня. Потому что я сначала чуть-чуть болела, потом была ремиссия, думали, что уже нормально все. А потом я опять заболела.

В нашем бывшем родном городе, если идти вдоль центральной улицы, то каждые пять метров — аптека. Вообще, прикольно это все. Мне странно, что взрослые солидные люди, а как будто играют в какую-то игру: все видят, что кто-то ворует, но делают вид, что не видят. И делают вид, что уважают этого вора. Все знают, что кто-то врет, но делают вид, что верят этому ~~брехуну~~ лжецу. И тоже вроде как уважают. Тьфу, гадость. Плесень. Не понимаю, зачем? Дебилы вообще. Дима говорит, что в городе уже не работает ни одно предприятие, ни один завод, ни фабрика, ничего. Есть только рынок, несколько частных лавочек, еще есть кондитерская, сапожная мастерская, есть несколько больших магазинов каких-то тряпочных, телефонных и продуктовых. А книжного в городе нет. Но множество *lots of! plenty of!* аптек. Город аптек. И все. Зато в самом центре стоит гигантское, мощное, основательное здание под красной черепичной крышей в четыре этажа, называется Администрация. Там в каждом кабинете довольно тесно сидят люди и перебирают бумажки. Шуршат. Вроде как руководят чем-то. Дима называет их «слуги народа». Что это значит, я пока не понимаю. Но, по-видимому, ничего хорошего. Так вот, аптеки. Наш Дима знал по именам всех провизоров, таких любезных, вежливых, приветливых. И знал, где взять для меня препараты подешевле. Но и там его ухитрялись надуть. Всучить индийские липовые таблетки или еще там что-то… Потому что (это сказала Агнешка, она же у нас толковая, как филин из тувинских сказок про мудрого филина) аптечный бизнес — это мафия. А где мафия — там обман, там преступления и там не ценят человеческую жизнь. В том числе и мою. Короче, все деньги у нас ушли в эти вот аптеки. И даже наша квартира тоже со свистом всосалась этими вежливыми аптекарями. И «похоронные» деньги Агнии. И даже Полина продала какие-то свои драгоценности, которые сохранились из ее до-прошедшего-времени, из ее Past Perfect. И при этом все вокруг твердили и поучали: в Израиль, в Израиль везите Лизку на пересадку. А уже никак невозможно было в Израиль. Во-первых, я была совсем под водой. А во-вторых, вот-вот должен был родиться Мистер Гослин. Кузя лежала на сохранении и сбегала из этого сохранения ко мне, чтобы меня звать из-под воды своим

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru